

М. А. Виноградова

Тверской государственный университет, 4 курс

Научный руководитель: к.ф.н. Л. М. Сапожникова

МЕТОД ОНИМИЧЕСКОЙ ЗАМЕНЫ КАК ОДНО ИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В ТРИЛОГИИ Н. НОСОВА О НЕЗНАЙКЕ

Книги играют важную роль в жизни детей, поскольку с их помощью они узнают и открывают для себя мир. Перед детскими писателями стоят непростые задачи, так как они должны ориентироваться на мировосприятие детей, их потребности. Писатели создают уникальный вымышленный мир, который похож на реальный, но при этом этот мир должен быть понятен детям.

Чтобы создать художественное произведение, которое будет ориентировано на детское восприятие, необходимо использовать специальные приемы, благодаря которым смысл произведения становится еще более понятным для детей. Одним из таких приемов является создание вымышленных «говорящих» онимов.

Вопрос о переводе «говорящих» онимов на иностранный язык является сложной темой, поскольку при переводе собственных имен (далее – СИ) главной целью переводчика является добиться того, чтобы иностранные читатели воспринимали имя так же, как его воспринимают носители языка оригинала. Для этого нужно перевести не только сами онимы, но и учитывать интенции автора, возможный вертикальный контекст, связь с национальным культурным кодом.

В данной статье предметом анализа является ономастическое пространство романа-сказки Н. Носова о Незнайке. Сказочные повести Носова о забавных коротышках всегда пользовались у русских читателей особенной любовью. Данная трилогия, написанная Н.Н. Носовым, до сих пор остается популярной у многих детей не только в России, но и за рубежом. Так, на немецкий язык роман-сказку перевела Лизелотта Ремане. На данный момент на немецкий язык переведено только две части, а именно «Приключения Незнайки и его друзей» („*Nimmerklug im Knirpsenland*“) и «Незнайка в Солнечном городе» („*Nimmerklug in Sonnenstadt*“).

В ходе анализа переводческих решений в немецком переводе романа-сказки о Незнайке учитывался тот факт, что СИ являются ключевой характеристикой авторского ономастического пространства. Перевод СИ является для переводчика особой задачей ввиду их важности для общей авторской концепции. При передаче 158 СИ в немецком переводе романа-сказки Н. Носова были использованы различные переводческие трансформации, среди которых были отмечены калькирование (52 СИ), грамматические трансформации (10 СИ), лексические трансформации (24 СИ), лексико-грамматические трансформации (72 СИ).

В данной статье мы бы хотели обратить внимание на *лексические трансформации*. Суть *лексической трансформации* заключается в замене отдельных лексических единиц исходного языка лексическими единицами языка перевода, которые не являются их словарными эквивалентами и, которые имеют иное значение, нежели передаваемые ими в переводе [Бархударов 1975: 196]. Л.К. Латышев считает, что суть данного типа трансформации заключается в отклонении от словарного соответствия [Латышев 2005: 180]. Так, мы можем отметить, что при лексической трансформации в словах языка перевода (условных эквивалентах) либо присутствуют новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений, или происходит преднамеренное обыгрывание прямого словарного значения его отдельных компонентов, за счет чего достигается определенный экспрессивный эффект.

Среди *лексических трансформаций* было выделено такое уникальное переводческое решение, как *метод онимической замены*. Данное переводческое решение не до конца изучено учеными. Так, Д.И. Ермолович дает следующее определение: *Метод онимической замены* заключается в том, что СИ в принимающем языке передается соответствием без формального подобия, и здесь возможны два варианта: 1) использование СИ из ономастического фонда принимающего языка; 2) замена на другое иноязычное имя [Ермолович 2005: 146]. Суть данного вида трансформации заключается в том, что известные в русском культурном коде СИ заменяются на другие ономастические культурные маркеры, известные в данном случае, в немецкой языковой культуре.

Следует отметить, что ономастические культурные маркеры могут совпадать в различных языковых культурах, если они имеют интернациональное происхождение, например, античное, библейское или литературное. В этом случае в принимающем языке используется эквивалентное собственное имя, и аллюзивный потенциал, а также вертикальный контекст сохраняет свои особенности даже при смене культурного кода.

В фокусе нашего внимания находились случаи использования автором и переводчиком различных культурных маркеров, соответственно изменения аллюзивного характера авторских онимов, связанные с выбором переводчиком известных в принимающей немецкой культуре онимов с культурной аллюзией.

Перейдем к рассмотрению трех примеров, которые зафиксированы в трилогии Н. Носова о Незнайке и переданы с помощью *метода онимической замены*.

В сегменте ономастического разряда «имена учреждений» зафиксировано использование *онимической замены* как тип *лексической трансформации* при переводе названия театра «*Веселый Петрушка*». Как известно, в Солнечном городе было много кукольных театров, и все они имели свои собственные наименования. Для одного из театров автор выбрал имя перчаточной куклы *Петрушка*. Этот герой известен как персонаж русского народного кукольного театра. Обычно он изображается в красной рубахе, холщовых штанах и

остроконечном колпаке с кисточкой. Первая кукла появилась в России в конце XIX века, но ее поведение было непривычным для сегодняшнего зрителя. Характер у персонажа Петрушки был весьма задиристый и дерзкий, а шутки далеко не безобидными. Сюжеты варьировались вокруг нескольких тем. Одной из наиболее популярной темой было представление, где Петрушка женится. Ещё нередко кукольный герой посещал врача. Спектакль обычно заканчивался дракой, в которой Петрушка убивал своего недоброжелателя. В начале XX века «Комедия о Петрушке» переживает динамическое изменение ключевого образа в положительном ключе. Петрушка перестал убивать. Он лишь размахивал дубинкой и разгонял своих врагов. Петрушечники стали появляться на детских праздниках и новогодних ёлках, текст сцен менялся, теряя свою остроту, а шутки уже не были злыми и саркастичными. Из куклы балаганной, русского шута, потешника, остряка балаганного театра Петрушка превратился в комического персонажа кукольного театра. В настоящее время этот герой заставляет веселиться и детей, и взрослых.

На немецкий язык название театра передано как „*Der lustige Kasperle*“. Переводчица использовала имя персонажа, известного всем немецким читателям, как детям, так и взрослым, а именно комического персонажа немецкого национального фольклора и театра марионеток. На немецкоязычных территориях театральная кукла-марионетка известна с конца XVIII столетия. На голове у данного героя длинный красный ночной колпак, в руке — плоская палка-мухобойка. Лицо всегда растянуто в глупой улыбке, нос огромный и кривой. Чтобы его лучше было слышно, использовали пищик, который усиливал звук голоса. Как и в русской культуре это надевающаяся на руку кукла. Герой выступает в спектаклях с грубым юмором и отличается простецки-наивным характером и поведением. Появление данного персонажа на сцене каждый раз вызывает у зрителей ожидание чего-то непредсказуемого. Таким образом, переводчик, опираясь на свой опыт и культуру, старалась подобрать эквивалент, который будет понятен немецким читателям. В данном случае подобранный эквивалент передает интенцию автора и может служить примером удачной переводческой трансформации. Тем более, близость происхождения и характера кукол Петрушки, Гансворста, Касперле, Пульчинеллы, Полишинеля, Панча в различных языковых культурах неоднократно становилась объектом изучения.

Во второй части трилогии о Незнайке упоминается произведение *Котофей Котофеевич*. Когда Незайка останавливается в гостинице, то в номере он обнаруживает тумбочку с кнопками. Возле каждой кнопки имелась надпись с названием произведения. Как известно, *Котофей Котофеевич* – это название русской народной сказки, которая рассказывает о находчивом коте. В сказке описывается о том, как на опушке леса жили старик и старушка со своим жадным и вороватым котом Котофеем. Они не могли вытерпеть его постоянные просьбы о еде, поэтому отнесли его в лес. Коту захотелось поесть, но в лесу ничего не было и тогда ему посчастливилось встретить лисицу, которая пригласила его в гости. Когда еда закончилась, лиса пошла за помощью к волку

и медведю и каждый из них принес подарок. Когда Котофей Котофеевич вышел и начал требовать еду, волк испугался и убежал, а медведь спрятался на сосне. В итоге, все звери стали бояться Котофея Котофеевича и приносили ему дань.

Переводчик использовал в тексте перевода название *Gestiefelter Kater*, однако под этим немецким названием понимается совершенно другое произведение, а именно «*Кот в сапогах*» – одна из наиболее известных сказок французского писателя Шарля Перро. Сказка «*Кот в сапогах*» была написана в XVII веке, но и несколько столетий спустя остаётся любимой детьми. Это история о том, как кот помогает своему хозяину добиться успеха и богатства благодаря своей хитрости и уму. Кот оказался не просто домашним животным, а настоящим другом и помощником. В итоге, мы понимаем, что переводчик допустил совершенно сознательно переводческую ошибку, выбрав иной культурный маркер и соответственно определенные национально окрашенные литературные аллюзии, поскольку русская народная сказка хорошо известна только русским детям, но совершенно неизвестна немецкому читателю. Однако следует отметить, что основная интенция автора в данной ситуации связана с его желанием показать идеальные и современные условия размещения героев в гостинице с возможностью их обращения к культурному сказочному наследию. И данная интенция реализуется в тексте перевода самым удачным образом.

В качестве третьего, и не самого удачного примера использования метода онимической замены, рассмотрим следующую переводческую трансформацию. В разряде СИ-мифоантропонимов зафиксировано имя персонажа из второй части трилогии «Незнайка в Солнечном городе» *Сунчик*. Этот оним является говорящим, но не является аллюзивным, за ним не стоит культурная отсылка к известному произведению или объекту творчества. Известно, что персонаж обладает хорошим чувством юмора и всегда умеет поднять настроение окружающим. Но однажды с ним произошел инцидент. Он подрался с другим коротышкой из-за того, что не захотел уступать ему дорогу. После этого «моментально образовалась толпа. Движение транспорта остановилось, прибежал *милиционер Сапожкин* и стал просить всех разойтись, но никто не расходился. Тогда *милиционер Сапожкин* схватил за шиворот *Сунчика* и потащил в отделение милиции» [Носов 1956: 163].

На немецкий язык переводчица передала имя данного героя как *Suppenkaspar*. Переводчица использовала имя персонажа, известного всем немецким читателям, как детям, так и взрослым, а именно героя одноименной истории из детской книги „Der Struwwelpeter“ Генриха Хоффмана. Однако в результате выбора данного перевода имени вместо русского обозначения веселого любителя супа возникает анти-образ, а именно образ 'человека, не любящего, отказывающегося есть суп', поскольку герой немецкой детской истории не хочет есть суп и умирает от голода. Известное всем немецким детям стихотворение иллюстрирует на основе демонстративного и эмоционального сюжета основы здорового и правильного питания. Таким образом, на основании аллюзии к известному немецкому детскому фольклору в ходе перевода возник

новый и противоположно направленный вертикальный контекст. Несмотря на то, что переводчик использует активную в немецком языковом коллективе литературную аллюзию, отсылку к известному культурному маркеру, на наш взгляд, данное переводческое решение является не самым удачным, поскольку в корне меняет авторскую интенцию и аксиологический вектор СИ.

Кроме того, следует отметить, что переводчик использовал в данном случае прием онимического аллюзивного наращивания, поскольку вместо говорящего онима *Сунчик* без культурных аллюзий появился онимический культурный маркер с четким аллюзивным литературным вектором *Suppenkaspar*. Этот пример перевода с использованием онимической замены нельзя считать переводческой удачей.

Таким образом, работая над переводом текста литературного произведения для детей, переводчику нужно учитывать при выборе переводческих трансформаций также психологический момент, который может помочь ребенку-читателю понять семантическую наполненность исходного авторского СИ. Решающую роль в выборе адекватного перевода авторских онимов играет опора на наличие или отсутствие фоновых знаний у читателей, представителей различных языковых культур.

Метод онимической замены является уникальным переводческим решением, который может быть как эффективным, так и спорным при наличии различий в культурных кодах языковых коллективов. Переводчику необходимо быть внимательным при выборе онимических эквивалентов, чтобы сохранить авторскую интенцию и избежать смысловой дезориентации у читателей.

В фокусе внимания находились известные в русском культурном коде собственные имена из различных ономастических разрядов, использованные в романе-сказке Николая Николаевича Носова, и их замена на другие ономастические культурные маркеры, известные в немецкой языковой культуре. Мы можем заметить примеры удачных и менее удачных вариантов переводов. Нами было отмечено, что в некоторых случаях смена имени как культурного маркера влекла за собой изменение восприятия персонажа.

Однако в целом мы можем указать на то, что данный тип переводческой трансформации является не только уникальным, но и эффективным, поскольку в большинстве случаев помогает сохранить эффект культурной аллюзии и знакомит детских читателей с национальной культурой, а также передает особую атмосферу уникального вымышленного мира трилогии о Незнайке.

ЛИТЕРАТУРА

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.

Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М.: Р.Валент, 2005. 416 с.

Латышев Л.К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 320 с.

Носов Н.Н. Приключения Незнайки и его друзей. М: Барвинок, 1954. 176 с.

Носов Н.Н. Незнайка в Солнечном городе. М: Барвинок, 1956. 280 с.

Nikolai Nossow. Nimmerklug im Knirpsenland. Aus dem Russischen von Lieselotte Remané. Der Kinderbuchverlag, Berlin, 1956. 230 s.

Nikolai Nossow. Nimmerklug in Sonnenstadt. Aus dem Russischen von Lieselotte Remané. Der Kinderbuchverlag, Berlin, 1965. 225 s.